

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Дели-акыз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634735

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Повесть Л. Чарской «Дели-акыз» является продолжением повести «Таита».

Содержание

ПРОЛОГ в двух главах	4
Глава I	4
Глава II	16
ЧАСТЬ I	29
Глава I	29
Глава II	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лидия Алексеевна Чарская

Дели-акыз

ПРОЛОГ в двух главах

Глава I

Пять молодых девушек в нарядных белых платьях и в таких же шляпах одна за другой впорхнули в светлую, веселую приемную Н-ского приюта.

Старая прислуга начальницы приюта оглядела с любопытством необычайных юных посетительниц и их радостно-взволнованные лица и пошла доложить о них своей барыне. И тотчас же по её уходе в комнате все зашумело и зазвенело сдержанным звоном молодых оживленных голосов.

– Вот и приняла... Вот и приняла... Ага! Что? А ты еще говорила, что не примет, Шарадзе! Всегда так: брякнешь, не подумав, а потом...

И одна из юных посетительниц, тоненькая, необычайно изящная шатенка с выющимися волосами, торжествующе взглянула на подругу, нескладную, высокую девушку, красивые черные глаза которой, как и её смуглое худощавое лицо явно обнаруживали кавказское происхождение.

– Погоди еще радоваться, Баян: рано пташечка запела, как бы кошечка не съела... – гортанным голосом, с восточным акцентом, ответила смуглянка.

– Типун тебе на язык, Тамара! – сказала маленькая, с большими светлыми глазами девушка, быстро вскочив с дивана, на котором она уже успела расположиться. – Не может она не принять и не выслушать вас, когда мы приехали по такому важному делу, да еще и с рекомендацией от само-то барона-попечителя...

– Разумеется, Золотая рыбка права! – подхватила третья посетительница, болезненного вида девушка, белый легкий наряд которой придавал ей какой-то воздушный вид. – Разумеется, вас и выслушают и день назначат, когда привести сюда нашу маленькую, родненькую девчурочку...

Голос Вали Балкашиной при этих словах вздрагивает от волнения, а глаза внезапно наполняются слезами.

Тотчас же из-за пояса извлекается кружевной платочек, и тихое неожиданное всхлипывание раздается в светлой приемной.

– Ну, вот еще! Этого еще недоставало... Здравствуйте! На третий день выпуска слезы лить! – возмутилась четвертая посетительница – хорошенькая, кудрявая Ника Баян. – Пожалуйста, прошу тебя, не распускай ты своих нервов! Ведь нашей Тайночке, право же, здесь будет очень недурно, уверяю вас, mesdames, даже очень хорошо... Ну, да, конечно, о-о-чень хо-ро-шо... – срывающимся голосом доканчивает

Ника, и тоже достает из-за пояса кружевной платочек, которым закрывает свои карие, оживленно сверкавшие до этой минуты глаза.

Всхлипывания двух девушек вызывают слезы у третьей. Теперь плачет очень высокая, тонкая, с осиной талией и задумчивыми глазами, блондинка Муся Сокольская, «Хризантема» по прозвищу, данному ей её подругами. К ней немедленно присоединяется «Золотая рыбка», т. е. Лида Тольская, закадычная подруга Муси. Девушки тихо плачут, плотно прижав к глазам свои носовые платки.

Крепится только армянка Тамара Тер-Дуярова, или «Шарадзе». Прозвана она «Шарадзе» своими одноклассниками за постоянную привычку задавать шарады и загадки. Но и её черные восточные глаза сейчас усиленно моргают, чтобы как-нибудь задержать навертывающиеся на них непрошеные слезы.

– Mesdames, перестаньте! – говорит Тамара. – Перестаньте реветь! А то и я зареву... Ника, сделай «умное лицо», пусть посмеются лучше... Или я новую шараду залам... Ну же, действуй Ника ...

Но той не до «умного лица» нынче. Когда Ника Баян, общая любимица всего института, бывала в хорошем настроении, она могла уморить со смеха весь класс. Она умеет подражать голосам и манерам начальства и подруг или изображать тех и других, умеет совершенно изменять выражение своего хорошенького личика и делать из него «умное лицо»,

то есть такое, при виде которого все невольно хохотали до слез. Кроме того изящная Ника прекрасно танцует. Часто по вечерам, оживленная и прелестная, она носилась перед восхищенными подругами в бешеной пляске, с растрепанными кудрями и блуждающей улыбкой, приводя юных зрительниц в неописуемый восторг.

Но сейчас Ника «скисла». «Скисли» и остальные её подруги заодно с нею. Все пять девушек глубоко ушли в мягкие, какие-то особенно располагающие к отдыху, кресла и время от времени тихо перекидывались сквозь слезы коротенькими, отрывистыми фразами.

– Она у вас такая избалованная... Ей будет трудно среди чужих...

– Конечно, трудно. Мы так любили ее...

– И так ласкали...

– А Ефим был прекрасным дядькой нашей Тайночке.

– Здесь уже не будут ее кормить так, как у нас...

– Ну, это даже хорошо. От конфет и сладостей у неё часто болел животик, – серьезно вздыхает Варя Балкашина.

– Валерьянка, не говори ерунды... Пока ты живешь на свете, живут валерьяновые и другие капли, и никакие болезни нам не страшны! – звенит громко голосок Лиды Тольской.

Валя Балкашина, или «Валерьянка», отнимает на минуту кружевной платок от влажных глаз и обиженно спрашивает:

– Что ты хочешь этим сказать, Тольская?

– Но, ведь, у тебя же всегда был запас лекарств в тирау-

ре,¹ и ты страдаешь манией лечить всех и каждого, моя дорогая... Не даром же мы прозвали тебя «Валерьянкой» – оправдывается Лида.

– Глупое институтское прозвище. Мы не воспитанницы больше, и пора это забыть, – еще обиженнее тянет Валя.

– Перестаньте, дети мои!.. Тут не место для споров и пререканий. Подумаем лучше о вашей Тайночке. Каково-то ей будет здесь! – останавливает своих подруг Ника Баян.

– Будет скверно, что и говорить.

– И весьма! После нашего-то баловства, после наших-то забот!

– Ясно, что скверно будет. Кто же станет здесь так заботиться о ней!

– Понятно, никто.

– Бедная Тайночка! Бедная Глаша!

И девушки снова хватаются за платки. Тихое всхлипывание постепенно переходит в громкое. Кажется, будто и сама комната омрачается изливающимся здесь молодым горем.

Медленно приподнимается тяжелая плюшевая портьера над дверью, и на пороге приемной показывается небольшая плотная женская фигура. Посетительницам бросается в глаза совершенно седая голова и длинный восточный нос.

Это начальница Н-ского приюта, старая княжна Надежда Даниловна Дациани, уроженка Тифлиса. Ей шестьдесят с лишком лет, но глаза её еще пламенные, а лицо еще свежо и

¹ Ящик стола.

приятно. В молодости княжна Дациани пережила глубокое горе: любимый ею жених погиб от разбойничьей пули в горах. Надежда Даниловна, оставшись верною его памяти, дала клятвенное обещание никогда не выходить замуж и стойко сдержала свое слово. В молодости же она была пожалована придворным званием фрейлины и занялась делами благотворительности. Лет двадцать тому назад ее назначили начальницей Н-ского приюта для девочек, и она вся ушла в заботы о своих новых питомцах.

Старая княжна довольно долго простояла на пороге своей гостиной, молча разглядывая своих необыденных плачущих и ничего не замечающих посетительниц. Потом легкая, незаметная улыбка, сморщила её губы и скрылась в задумчивых восточных глазах.

— Гм! — кашлянула княжна, — чем могу служить, mesdemoiselles?

Девушки вздрогнули от неожиданности. Платки мгновенно исчезли в глубине карманов, и перед старой придворной дамой предстали смущенные, раздуманные от слез, совсем еще юные девичьи лица. Все пять молодых девушек поднялись со своих мест, выстроились в линию и, отвешивая плавный, по всем правилам института, реверанс, несколько нараспев, хором произнесли:

— Nous avons l'honneur de vous saluer princesse!²

Когда фраза была окончена, темноглазая, розовенькая Ба-

² Мы имеем честь приветствовать вас, княжна!

ян, вспыхнув до ушей, подумала:

«Мы с ума сошли! Как это глупо, так кланяться, ведь мы же уже не институтки», – и смущенно посмотрела на Тер-Дуярову.

Та сразу поняла взгляд Ники. «Правда, душа моя, глупо. Мы уже не институтки» – мысленно же согласилась с нею тотчас армянка.

Наступила минута молчания.

Старая фрейлина, улыбаясь, любовалась смущением этих взрослых детей. Но вот Ника Баян, еще накануне уполномоченная говорить с княжной от имени всей депутации, выступила вперед.

– Мы приехали к вам просить вас от имени всего последнего выпуска Н-ского института за нашу дочку, – начинает она взволнованно.

– Дочку? – и седые брови старой княжны удивленно вскидываются над пламенными восточными глазами.

– Ну, да, дочку и внучку! – подхватывает Тамара Тер-Дуярова. – Потому что я – её дедушка, а вот она, (тут армянка непринужденно тычет пальцем в Нику,) – она – её бабушка, по общему соглашению всего нашего выпуска Шура Чернова, тоже воспитанница нашего выпуска, – её папа; мамы же её – весь наш класс; все мы, и мамы, и тетки! – звенит своим хрустальным голосом «Золотая рыбка».

Старая княжна улыбается все шире и шире.

– Так вы приехали просить за вашу приемную дочку, ма-

ленькую сиротку Глашу Петушкову? – наконец догадывается она.

– Да, да, да, за Глашу Петушкову, – хором воскликнула депутация.

– Её бумаги несколько дней тому назад поступили в канцелярию нашего приюта. Сам барон хлопочет за вашу воспитанницу, и она уже принята в нам, – торжественно объявляет княжна девушкам и следит, какое впечатление производят её слова на юных посетительниц.

Те почему-то молчат.

– Ника, да говори же! Чего истуканом стоишь? – шепчет тихо волнующаяся Тамара.

Старая княжна замечает этот шепот и останавливает свой взгляд на Тамаре. От этой молоденькой армянки так и веет её родиной: знойным кавказским небом, небом милого Тифлиса, синим и прозрачным, как крыло парящего ангела... Веет высокими горами, где воздух так чист и легок. Дорогой, милой, давно покинутой родиной веет на старую княжну-грузинку, и её глаза увлажняются слезами. Ласково берет она обе руки Тамары в свои и говорит как бы совсем новым, глубоким и прочувственным голосом:

– Будьте покойны, дети, вашей общей дочке будет, несомненно, хорошо у нас, если только она не окажется слишком избалованной и капризной.

– Вот то-то и есть, что может оказаться... – совершенно неожиданно для себя самой выпаливает Ника.

Начальница переводит свой ласковый взгляд с юной армянки на хорошенькое личико Ники и спрашивает:

– Что вы хотите этим сказать?

– Я... мы... я... хотела сказать, что... что наша Тайночка... наша Глаша... да... немножко избалована, а потом у... да... потому... – путается Ника, – мы и пришли просить вас о снисхождении и... и...

– Да, да! Мы просим вас о снисхождении к ней! – подхватывают остальные депутатки хором.

– Ведь вам, должно быть, известна её странная, таинственная судьба? – спрашивает «Золотая рыбка», выступив вперед.

Старая княжна улыбается снова.

– Мне известно о том, что тридцать милых, добрых и сердечных девушек тихонько от начальства взялись воспитывать маленькую сиротку, поселив ее в комнате старого, прозванного ими почему-то «Бисмарком», институтского сторожа Ефима. Мне известно так же, как случайно обнаружилась их тайна и как барон, попечитель института, принял на себя труд устроить эту маленькую сиротку у нас в приюте. Видите, я хорошо осведомлена обо всем.

– Вы даже знаете, что мы прозвали нашего Ефима Бисмарком! – приходит в неожиданный восторг Ника.

Лицо старой придворной дамы еще более светлеет. Ей положительно нравятся эти юные создания, такие непосредственные, такие искренние. Нравится и то, что они доверчи-

во явились к ней с просьбой обласкать их «протеже» на третий же день после выпуска из института.

Ведь только три дня тому назад они попрощались с приютившими их стенами, а теперь вместо того, чтобы отдаваться отдыху и удовольствиям, так понятным в эти радостные дни, они хлопочут за их маленькую «дочку-внучку-племянницу».

Да, они решительно нравились княжне с их открытой чуткой душой, с невинными, радостными личиками. И все же мысль о том, что эти девушки помещают в приют, очевидно, избалованного ребенка, с которым предстоит немало забот и возни, немного расхолаживает добрый порыв старой княжны. Но, тем не менее, она решается успокоить своих юных посетительниц и порадовать их.

– Я постараюсь быть снисходительной к вашей дочке, внучке и племяннице... – шутливо говорит она, пожимая по очереди руки приседающим в низком реверансе перед вею девушкам. – И ваша маленькая Тайна, надеюсь, не будет жаловаться на дурное с нею обхождение своим молодым мамашам.

– Надеюсь! – совсем некстати замечает Тамара.

Княжна улыбается снисходительной улыбкой:

– До свиданья, mesdemoiselles! Я жду вашу воспитанницу. Вы ее, вероятно, скоро приведете?

– Завтра – звучит согласно маленький хор.

Тяжелая плюшевая портьера поднимается и опускается

снова. Старая княжна, любезно кивнув с порога, исчезает.

– Ух! Как гора с плеч... А она пресимпатичная, однако, азиатка эта! – смеется Ника.

– Она с Кавказа, душа моя. Этим сказано все, – гордо выпрямляя плечи и грудь, говорит Тамара.

– А теперь в институт, mesdam'очки к Тайночке вашей! Да в кондитерскую зайдем по дороге, конфет ей купить! – командует «Золотая рыбка».

– И хризантем... Я хочу хризантем непременно. Надо приучить ее любить эти дивные цветы, – говорит Муся Сокольская, обожающая хризантемы, а потому и прозванная «Хризантемой» всем институтом.

– Вот ерунда-то! Где ты их найдешь весной! – возмущается «Золотая рыбка». Они – осенние цветы. И потом, наша Глаша равнодушна только к тому, что она может кушать. А твои хризантемы далеко не съедобны. Или ты желаешь превратить нашу милую маленькую дочку в травоядное животное?

– Нет, нет! Возьмем ей конфет и меренги...

– И трубочек со сливками!

– И земляничного торта!

Молодые голоса звучат весело.

Прохожие невольно оглядываются на юные радостные лица нарядных беленьких барышень, стремительно выбежавших из подъезда большого казенного здания.

– Mesdames, а не странно ли то, что сами мы – вольные

птицы... Куда хотим, туда и идем... Можем ехать, куда желаем, не опасаясь нашей Скифки, не слыша её окриков, не терпя её придирок... – говорит с блаженным лицом Тамара.

– И разлетелись мы, свободные, как птицы! – вторит ей «Хризантема». – Наши иногородние все уже разъехались из Петрограда, каждая умчалась в свой уголок, в свое гнездо... Мы одни только остались здесь. Скоро улетим и мы.

– А пока не улетели, скорее в институт, к нашей Тайночке! – смеется Ника.

– И в кондитерскую по дороге не забыть! – предупреждает «Золотая рыбка».

– И уж, заодно, в аптеку, так как, по всей вероятности, пирожное и конфеты не пройдут Глаше даром! – снова смеется Ника. – Как ты думаешь, Валя? Ведь это по твоей части.

Ну вот еще, mesdames. Можно и без капель на этот раз... – слабо протестует «Валерьянка».

– Шоффер! Шоффер! – неожиданно кричит, останавливая свободный таксомотор, Тамара: – везите нас в институт.

– В который, барышня? – удивляется рыжий шофер, затормозив свою машину.

– Ах ты, Господи! В наш родной, к Тайночке! – возмущается его бестолковостью девушка.

Ника объясняет детальнее, куда им надо, и он, наконец, повял ее. Сели и помчались стрелою, оживленные и радостные по не менее оживленному и радостному, как им казалось, улицам Петрограда.

Глава II

– Домой! Хочу домой! Хочу к дяде Ефиму, к мамочкам!

– Перестань плакать, перестань, Глашенька! Домой тебе возвращаться нельзя: дядя Ефим в деревню уехал, а твои мамочки давно разъехались по своим домам. Но несколько мамочек еще остались здесь, в Петрограде, и они будут навещать тебя, привозить тебе гостинцев, игрушек, если ты будешь умницей и перестанешь капризничать. Ты посмотри только, сколько вокруг тебя девочек; все они такие же маленькие, как ты, и тебе будет весело с ними... Переставь же плакать, Глашенька, не надо капризничать, деточка!

Голос молоденькой приютской воспитательницы полон ласки и любви. Вообще, она такая милая, кроткая, эта двадцатилетняя Мария Сергеевна, и готова часами возиться с не в меру капризничавшей детворой. Она не выносит слез. При виде плачущих детей у неё самой появляются слезинки в светлых ясных глазах. Марью Сергеевну все её сослуживицы называют «порчей приюта». Она горячо любит всех этих бедных сироток, снисходительно мягко относится во всем их детским недостаткам и нежно заботится о них. За это девочки платят ей самой горячей, самой искренней детской привязанностью.

Неделю тому назад пять молодых, только что окончивших институт, девушек привели сюда маленькую пятилетнюю де-

вочку с живыми, бойкими, черными глазенками и с забавно торчащими хохолком из-под круглой гребенки совсем белыми, льняными волосами.

Про эту маленькую девочку задолго еще до её появления в приюте рассказывали необычайно странную историю. Рассказывали, что она целую осень и зиму тайно прожила в камерке институтского сторожа, что весь выпускной класс Н-ского института занимался её воспитанием, и что маленькую деревенскую девочку, племянницу одной из дортуарных горничных, ублажали и баловали, как какую-нибудь владетельную принцессу. И когда стало известно, что барон Гольдер, почетный опекун Н-ского института, определяет сюда, в приют, девочку, пребывание которой оказалось невозможным более в камерке сторожа, – весь приют уже знал про сиротку Глашу и про все её коротенькое прошлое.

Но вот появилась сама Глаша, белобрысенькая черноглазая девчурка, и сразу показала себя. Она никого не хотела знать, кроме своих многочисленных юных «мамаш», горько плакала, прося отправить ее домой, в сторожку дяди Ефима, капризничала, отказывалась от еды и не спала по ночам.

Избалованная, требовательная, привыкшая к неустанным, исключительным о ней заботам, Глаша совсем не желала применяться к приютским порядкам и правилам. Ее слезы и крики нарушали тишину заведения, тревожили детей и надоедали воспитательницам, смущая больше всего самую начальницу – старую княжну Дациани.

Одна только кроткая Марья Сергеевна Любомирова не уставала успокаивать и урезонивать девочку. Но и на нее Глаша не обращала никакого внимания; крики и слезы девочки продолжались, и требования отправить ее немедленно домой делались все настойчивее с каждым днем. Ни ласки, ни угрозы наказания не действовали. Упрямство маленькой избалованной девочки и её капризы не утихали ни на час за всю первую неделю Глашиного пребывания в приюте. У воспитательниц приюта и у самой его почтенной начальницы невольно опускались руки перед невозможностью успокоить девочку. Словом, маленькая «Тайна Н-ского института», как называли Глашу её многочисленные юные «мамаши», заставила на некоторое время заниматься своей крошечной особой весь приютский персонал.

После солнечных дней радостного мая неожиданно хлынули дожди. Серые грозные тучи заволакивали небо, подул холодный ветер.

Девочки-воспитанницы приюта играли в большой зале, где для поддержания нормальной температуры через день топили печь. Марья Сергеевна Любомирова, дежурившая в младшем отделении в этот день, устроила для своих малюток забавную игру в «коршуна». Одну из девочек постарше, восьмилетнюю Сашу Бекасову, усадили на паркет посреди залы; она должна была изображать коршуна. Сама молоденькая воспитательница представляла собою курицу-наседку, согласно требованию игры. Широко раскинув руки, Марья

Сергеевна, в роли наседки, приготовилась защищать «своих цыплят» – длинную вереницу девочек, вытянувшихся за её спиною и державшихся гуськом одна за другой. «Коршун» делал вид, что копает в земле ямку, т. е. Саша добросовестно царапала пальчиком пол. «Наседка» Марья Сергеевна обращается к ней с целым рядом вопросов:

- Что делаешь, коршун?
- Ямочку копаю, – отвечает Саша.
- На что тебе ямочка?
- Иголочку ищу.
- На что тебе иголочка?
- Мешочек сшить.
- На что тебе мешочек?
- Твоих детей ловить и туда сажать.

При этих словах Саша вскакивает на ноги и, размахивая, как бы крыльями, руками, кидается на вереницу девочек, изображающих сейчас цыпляток. Девочки пищат, визжат неистово и шарахаются от «коршуна» в сторону. Марья Сергеевна всячески защищает своих маленьких «цыпляток».

Девочки в восторге. Шумом, визгом и писком наполняется большой белый зад. Дети радостно, заливчато смеются, точно весенние шумливые ручейки буйно выступили из берегов и оглашают своим журчанием лесную поляну.

Одна только маленькая Глаша не участвует в игре, не спасается от «коршуна» под крылышки «наседки», не изобра-

жает вместе с подружками пугливой стан цыплят. Глаша заби­лась под скамейку, находящуюся в дальнем углу залы, и от­туда смотрит на играющих взглядом затравленного вол­чонка. Тоска по далеким молоденьким «мамашам» гложет её крошечное сердечко, вызывает слезы на глазах. Где её ми­ленькая «мамочка» Манечка Веселовская? Где «папа» Шура Чернова? Где любимая «бабушка» Никушка Баян? Где «де­душка» Тамара Шарадзе? Их нет сейчас с Глашей, как нет и других «мамочек» и «тетей», как нет и старого дяди Ефи­ма... Правда «дедушка» Шарадзе и «бабушка» Ника, и «тетя Золотая рыбка», «Хризантема» и «Валерьяночка» еще здесь, в Петрограде, они приедут сегодня вечером повидать Глашу, привезут конфет и игрушек, будут рассказывать веселые ис­тории и сказки. Но все это не то, не то... Они не возьмут ее снова в комнату дяди Ефима, под лестницей, не будут сме­шить и забавлять ее, как там. Они, как и сама Глаша, – де­вочка это понимает отлично, – не вернутся на прежнее место в институт: они кончили свое учение и должны разъехаться по своим домам. А она, Глаша, останется здесь одна сре­ди чужих, совсем одна. И сердце малютки сжимается острее при одной мысли об этом.

Громкий резкий звук колокольчика заставляет Глашу вздрогнуть. Девочка отлично знает, что означает этот звон­ок. Сейчас их соберут, как птичек на зерно, со всех угол­ков большой залы и поведут мыть руки и поправлять волосы, прежде чем отправить в столовую пить молоко. Но Глаша не

хочет пить молока, не хочет мыть рук и причесываться. Ей лучше здесь, одной, подальше от других детей и приютских нянь. Она никого не желает видеть. Раз нет с ней здесь дяди Ефима и её милых «мамочек», то ей никого и ничего и не надо.

Игра прекратилась при первом же звуке колокольчика.

– К рукомойникам, детки! К рукомойникам! – кричит Марья Сергеевна и хлопает в ладоши.

Девочки быстро становятся в пары, одна подле другой. Молодая воспитательница оглядывает зал, не осталось ли где-нибудь в укромном уголку кого-либо из ее милых «цыпляток»? Но Глаша предупреждает ее. С быстротою змейки ускользает девочка глубже под скамью и прижимается к стене залы всем своим маленьким тельцем.

Здесь ей уютно, удобно и хорошо. Она такая маленькая, совсем как мышка, и свободно умещается здесь. К тому же отсюда ей хорошо видны удаляющиеся ноги больших и маленьких воспитанниц, покидающих залу. Ноги движутся мерно и плавно по направлению входной двери, и это очень забавно... Вот ноги уже у самых дверей... Теперь они и вовсе исчезли. Как хорошо! Теперь Глаша спокойна вполне: никто, наверное, и не подозревает, что она осталась здесь, под скамейкой.

Но хорошее состояние Глаши длится недолго. Под скамейкой пыльно; пыль забивается в маленький носик Глаши; ей хочется чихать. Но чихнуть – значит быть накрытой. Де-

вочка с тоскою поводит глазами: как бы найти другое, более надежное, убежище? Вдруг ее взгляд обращается к печке, к огромной изразцовой печке с большой двустворной дверцей, в которую без труда пролезет любой ребенок. Быстро-быстро, как лесная ящерица, Глаша ползет по направлению к печке. Медленно поворачивается нехитрый затвор, сдвинутый маленькой ручонкой, и еще через секунду черная пасть печи гостеприимно предоставляет свое убежище крошечной, худенькой девочке. Из черной пасти пышет теплом. Ах, каким теплом и уютом! Правда, черная сажа облепила сразу и серое холстинковое казенное платье, и белый передник и белые же длинные рукавчики, но что же делать? Ради удобного убежища можно потерпеть и не такие еще невзгоды. Где она сумела бы спрятаться удачнее? Нигде!

И Глаша с удовольствием устраивается в «комнатке», как она мысленно окрестила гостеприимно принявшую ее печку, забивается в самый дальний ее уголок и затихает здесь, удовлетворенная, довольная своей выдумкой. Глаше очень приятно, что ей удалось убраться от всех этих чужих, незнакомых «тетей», которых она не любит и не полюбит никогда.

Она зажмуривает глаза, как дремлющий котенок, и, сложив ручонки на груди, отдается вполне своим детским мечтам.

Перед ней проносятся ее коротенькие смутные детские воспоминания. Она еще очень мала, но все же кое-что помнит из своего недавнего прошлого. Это не воспоминания, а

как бы сон. Сначала деревня... Теплая избушка... Ласки матери... Зеленый луг за околицей и река, такая бурливая весною и такая тихая и покорная подо льдом зимой... Вот мама исчезает куда-то... Про нее говорят, что она ушла к Боженке, и Глашу кто-то везет к родной тетке, Стеше. Вот огромный шумный город... Ее куда-то ведут... Кому-то показывают... Много, много молоденьких «мам» появляется сразу; они тормозят Глашу, целуют, ласкают, заботятся о ней, кормят вкусными кушаньями, балуют напропалую. И институтский сторож дядя Ефим, у которого поселили Глашу, такой добрый, ласковый. Ах, хорошо! Как хорошо там было ей, пока не кончили учиться молоденькие Глашины «мамы» и не разъехались по своим родным семьям. Глаша была как в раю... А потом Глашу привезли сюда...

Недолго думала и вспоминала все это Глаша. Тепло, распространяемое не вполне остывшей еще от вчерашней топки печкой, сделало свое дело, навяло на нее дремоту, и девочка погрузилась в крепкий сон.

Этот сон настолько сладок и крепок, что до ушей уснувшей малютки не доходят даже крики мечущихся по всему приюту и всюду ищущих ее людей.

– Глаша! Глашенька! Отзовись! Где ты? Откликнись, Глашенька! – звучало здесь и там на разные голоса по всем углам и закоулкам большого здания.

– Пропала девочка! Исчезла маленькая воспитанница! – с беспокойством передавалось из уст в уста.

А сумерки быстро сгущались, приближался вечер, хмурый, как будто осенний, вечер, так мало говоривший о праздничном мае, о весне. В большом жерле печки становилось мало-помалу холоднее. Глаша почувствовала этот холодок даже во сне и часто вздрагивала всем своим крошечным телом.

Где-то вдалеке, там, где метались в волнении воспитательницы и няньки, на стенных часах пробило восемь ударов. И вместе с восьмым ударом часов в большую залу вошел с вязанкою дров приютский сторож Михайло.

Затопив одну печь, он медленно перешел к другой. Привычным движением открыл трубу, затем дверцу, положил в печное отверстие дров и зажег растопку.

Быстро заскользило мягкое синевато-желтое пламя по дровам... Старик присел на корточки и залюбовался на пламя. Дальше побежал огненный язык огня; дрова разгорались... Михайло закрыл дверцу и собирался уже отойти от печи, как совсем слабый-слабый, чуть слышный стон, вылетавший откуда-то из глубины печи, сразу заставил его насторожиться и замереть на месте...

Старый Михайло не колебался больше. Ужасная догадка осенила его мозг.

– В печи есть кто-то... Господь Милосердный! Святые угодники! Царица Небесная! Помилуйте и спасите! – срывалось с дрожащих уст старика, и он, рванув печную дверцу и не жалея рук, стал порывисто выкидывать из печи дрова, со

всех сторон охваченные пламенем.

А через несколько мгновений дрожащими обожженными руками старик вынул из печи Глашу с загоревшимся на ней платьем и тлеющими волосами.

Пять девушек, пять молоденьких «мамаш» сгруппировались у постели их общей названной дочки, как это бывало полгода тому назад, в институте. Едва не сгоревшая, Глаша теперь мирно спала на узенькой кровати приемного покоя Н-ского приюта. Она отделалась, к счастью, легкими ожогами. Но зато молодые «мамаши» достаточно намучились и пострадались из-за неё.

Впрочем, не они одни пострадались. Пострадались и приютские воспитательницы, и няньки; и сама начальница, старая княжна Дациани. На бывшей старой фрейлине, как говорится, лица не было. Её глаза так и сверкали огнем, пока она, со свойственным её восточному происхождению темпераментом, рассказывала явившимся покровительницам Глаши о поступке и поведении их чрезмерно беспокойной «дочки».

– Нет, нет, слишком бедовая эта ваша маленькая протезе! Слишком беспокойная, и положительно нет никакого сладу с нею, и я боюсь ответственности за нее! – заключила свой рассказ взволнованным голосом княжна Надежда Даниловна и, помолчав с минуту, заговорила снова.

– У нас в приюте триста девочек, четыре воспитательницы и столько же няnek... Следовательно, каждому ребенку в от-

дельности, при всем желании, мы не можем уделять столько времени и забот, сколько нам этого бы хотелось. С вашей же Глашей больше хлопот, чем мы думали. За нею надо иметь для присмотра десять пар глаз, по крайней мере. Помилуйте, спрятаться в печке! Едва не сгореть... Я уже не говорю об этой ужасной неделе её пребывания у нас, когда она доводила нас до отчаяния своими слезами, капризами и криками по ночам. О, слишком большая ответственность, и мы не можем оставить такую заведомо избалованную девочку у себя.

– Но, ведь, не выкинете вы ее на улицу, неправда ли? – со сверкающими глазами выпалила Тамара.

Она вся дрожала. Мысль о возможности потерять Глашу еще пылала в взволнованном мозгу молоденькой армяночки и заставляла ее волноваться и трепетать.

Не менее её волновались и её подруги. У Ники Баян розовое до сих пор личико потеряло сразу все свои свежие краски, а из глаз глядело самое неподдельное отчаяние, когда она заговорила, обращаясь к начальнице приюта трепещущим голосом:

– Будьте милосердны, княжна, оставьте у вас нашу бедную Тайночку... Уверяю вас, она исправится, попривыкнет и...

– Нет, нет, и не просите меня об этом, милые дети. Я не в силах исполнить вашей просьбы! – тоном, не допускающим возражений, возразила старая княжна.

– Так на улицу ее выбросить, значит? Да? – уже настойчивее повторила Тамара, и черные брови её сдвинулись над

горящими злыми теперь глазами.

Старая княжна Дациани взглянула на девушку.

– О, как хорошо знаком ей был этот восточный горячий темперамент, эта непосредственность и прямота! Она нисколько не обиделась на резкость девушки. Рой мыслей закружился в голове старой фрейлины. Она, казалось, искала выхода из создавшегося положения и упорно думала несколько минут.

Вдруг глаза её радостно блеснули.

– Дети, я нашла выход для всех нас в настоящем деле... Нашла место, куда вы можете без опасения и страха поместить вашу приемную дочку и где ей будет хорошо, как в родной семье... – оживленно проговорила княжна и неожиданно обратилась с вопросом к Тамаре.

– Вы из Тифлиса?

– Из Тифлиса, – немного растерянно ответила девушка.

– Значит, вы знаете, вы слышали о Джаваховском гнезде, о приюте для сирот, устроенном одной молоденькой грузинкой, Ниной Бек-Израил. Хотя «гнездо» это находится в Горн, но о нем знают и в самом Тифлисе и в его окрестностях. Вот туда-то вы можете смело поместить вашу девочку. Там немного детей и две чудесные воспитательницы. Я ручаюсь, энергичная и чуткая натура госпожи Израил переделает вашу дочку и сумеет воспитать в ней хорошего ребенка. Ну что, довольны ли вы моей идеей, дети? Отвечайте скорей!

На мгновенье полнейшая тишина водворилась в комнате;

слышалось только ровное сонное дыхание Глаши, очевидно, видевшей золотые детские сны. Но вот первая очнулась Тамара. Со свойственной ей необузданностью, она порывисто кинулась к княжне, схватила её руку и прижала ее к своим губам.

– Спасибо вам, спасибо! Хорошее дело, совсем хорошее придумали... Очень хорошее! Я знаю немного Ниву Бек-Израил и её гнездо. Чудесно там будет нашей Тайночке. Завтра я уезжаю в Тифлис и беру ее с собой... Оттуда в Горн. Вот и славно, вот и хорошо все устроилось!

И уже радостным веселым голосом Тамара стала объяснять подругам о далеком «гнезде Джаваха», где кипела совсем особенная, яркая жизнь, где росли и воспитывались юные существа под личным наблюдением Нивы Бек-Израил и её подруги, Людмилы Александровны Влассовской.

И не далее как через час Ника Баян и другие решили отдать туда Глашу.

Так решилась судьба их «институтской дочки».

ЧАСТЬ I

Глава I

– Ну, что, Аршак, не опоздал? Пospел вовремя?

Глаза молоденького, совсем еще юного всадника, в казачьей офицерской форме, полны тревожного вопроса: загорелое свежее лицо, настоящее типичное лицо дагестанского горца, таит в себе ту же тревогу. Он на всем скаку скидывается с седла и бросает подоспевшему слуге поводья. Его конь взмылен и весь покрыт пеной.

Широко раскрытые ворота усадьбы пропускают юношу в сад. Этот сад, как и сама усадьба, расположенная на берегу Куры, в предместьях тихого Гори, представляет собою прелестный уголок. Под синим-синим небом, озаренным блеском сверкающего солнца, растут старые вековые чинары, стройные пышные каштаны и густой кудрявый орешник. А там, посреди сада, на куртинах, – розы редкой, чудовищно крупной породы, разнообразных цветов и оттенков, от нежно алых, как весенняя заря, до пурпуровых и темно-красных, почти черных. Старый садовник Павле с особенною заботливостью растит и воспитывает их.

Тихо позвякивая шпорами, девятнадцатилетний Селим-Али-Ахверды, хорунжий казачьей сотни, квартирую-

щей в окрестностях Гори, спешит по чинаровой аллее к дому.

О, эта чинаровая аллея! Как хорошо помнит юный офицер каждый её закоулок, каждый куст её роз. С самых ранних лет своего отрочества помнит себя Селим в этой усадьбе, в «Джаваховском Гнезде», в питомнике Нины Бек-Израил, названной княжны Джавахи. Его отрочество и юность протекли здесь так беззаботно, так мирно и безмятежно. Отсюда он поступил вольноопределяющимся в казачий полк, здесь же под руководством князя Андро Кашидзе, командира своей сотни, держал он экзамен на офицера всего лишь год тому назад и, получив офицерские погоны, здесь праздновал свое производство с друзьями. Здесь все дорогое, что осталось на свете у него, Селима. Раннее детство свое он помнит мало, помнит только, что отец его, разбойник, погиб от казачьей пули в горах при поимке его шайки; мать умерла с горя; помнит про дружбу свою с Селтонет, его юной соседкой по аулу, такую же сиротой, как он, так же принятой в питомник княжны Нины.

Он любит всех своих нареченных братьев и сестер, питомцев «Джаваховского Гнезда», но Селтонет – сильнее и крепче всех. Она родом, как и он, из Нижней Кабарды, и в её жилах, как и у него, течет горячая татарская кровь, кров благоденственного самим Пророком народа. Сейчас он ее увидит, как увидит и остальных друзей, составляющих «Джаваховское Гнездо».

– Гостю почтение и привет, – смеется кто-то, выглянув из-за куста роз оживленным разбурьяненным детским личиком.

– Глаша, ты? Зачем ты срезаешь розы? Смотри, увидит Павле – тебе несдобровать. Он тебе задаст.

– Не задаст. Сам знаешь, какой день нынче. Недаром же ты примчался как бешеный на своем Курде... А розы велели нарезать Маруся и Селтонет. Гема плетет гирлянды. Надо, чтобы «её» комната вся утопала в цветах.

– А где мальчики?

– Валь и Сандро пошли прикреплять фонарики. Они хотят опоясать ими свою старую крепость и оттуда со скалы пускать фейерверк. И я пойду туда к ним. Это будет прекрасно, Селим.

– Позволит ли тебе только тетя Люда, – выражает сомнение юный офицер.

– Вот вздор какой! Нынче все можно: нынче приедет наша артистка, наш гений, наша красавица, наша горийская звезда. Ах, Селим, Селим, мне кажется, что все это сон, – восторженно говорит та, которую молоденький хорунжий зовет Глашей.

– Протри глаза хорошенько, тогда увидишь сама – сон это или действительность. Клянусь бородой Пророка, я сам сегодня как во сне. Пять лет мы не виделись. Пять лет её не было с нами, и вот нынче мы увидим ее.

– Никак Селим приехал, Глаша? Гляди-ка! – раздается голос из окна. – Да куда же запропастилась эта девчонка? Нече-

го сказать, нашли тоже кому дать поручение. Эта шалая или пропадет на весь день, или опустошит весь сад к отчаянию Павле.

– Ошибаешься. Маруся. Я здесь и несу тебе розы, целое море роз, если хочешь звать.

И белобрысая, с льняными волосами головка, с забавно болтавшейся за плечами косичкой и пуговицеобразным носиком, с живыми черными глазами, похожими на коринки, выглядывает из-за пестрого снопа роз.

Это – младшее дитя питомника, десятилетняя Глаша Петушкова, круглая сирота, попавшая сюда пять лет тому назад. Глаша – общий баловень и любимица всего «Гнезда Джавах». Ее нянчат здесь, как самого маленького члена семьи, и разрешают ей частенько то, чего не разрешают другим детям. Впрочем, балуют ее только одни воспитанники и воспитанницы «Гнезда». Сами же воспитательницы, Нина Бек-Израил, названная княжна Джавах, и её старшая помощница, Людмила Александровна Влассовская, всячески стараются сдерживать порывы девочки, обуздывать её своевольный и свободолюбивый характер. Но это не всегда, впрочем, удается пм. Порывистая, горячая как молоденькая горная лошадка, Глаша не переносит узды и власти над собой. Она привыкла к баловству, к всеобщей снисходительности и ласке. Все здешние много старше её. Самой молоденькой из них, Геме Донадзе, уже семнадцать лет, хотя она и кажется по виду хрупкой четырнадцатилетней девочкой: самой стар-

шей, кабардинке Селтонет, пошел уже двадцать первый год. Немудрено, что Глаша, как младший член питомника, завоевала себе прочное положение всеобщей любимицы.

– Скорее цветы, Глафира, скорее!

Глаша особенно недолюбливает кабардинку Селтонет, прикрикнувшую сейчас на нее. Селтонет резка по природе и не спускает девочке её шалостей и выходок, тогда как другие здешние так снисходительно относятся к ним.

Сейчас Селтонет одета в нарядный национальный костюм Нижней Кабарды. Её алые канаусовые шальвары шумят при каждом шаге; крохотные чужьяки так пристали к её миниатюрным ножкам; голубой, цвета неба, бешмет плотно охватывает стройную тонкую фигуру. Её густые черные волосы, заплетенные в дюжину кос по-татарски, змеятся по спине чуть не до пола, ниспадая тяжелыми нитями со вплетенными в них монетами.

– Давай розы, аромат души моей, давай розы! – кричит Селтонет, сбегая с нижней галерейки джаваховского дома.

И вдруг, подняв глаза, встречает направленный на нее взгляд приехавшего хорунжего.

– Селим! Солнце мое! А Селтонет и не знает, что ты здесь...

И её правильное тонкое личико заливается ярким румянцем не то смущенья, не то восторга.

– Уж будто не видала, как Аршак прогуливает его коня? – лукаво сощутив бойкие глазенки, допытывается у кабардин-

ки Глаша.

Еще ярче вспыхивает гордое лицо девушки. Еще пламеннее сверкают восточные глаза. Но она всячески старается скрыть свое смущение.

– Я тебе дам шутить над старшими горный козленок, – смеется Селтонет, сверкая ровными белыми, как жемчужинки, зубами. И, чтобы подавить охватившее ее радостное волнение, кидается за Глашей, с веселым визгом метнувшейся от неё.

Селим, вспомнив недавнее детство, бросается следом за ними. Красные и возбужденные бегом, они почти одновременно все трое влетают на галерею джаваховского дома. Здесь Людмила Алёксандровна, или тетя Люда, как называют ее дети питомника, плетет и развешивает гирлянды из цветов и зелени при помощи двух молодых девушек, бойкой и румяной Маруси Хоменко, кубанской казачки, с некрасивым, но чрезвычайно веселым и живым лицом, и миловидной, поэтичной, бледной и миниатюрной Гемы Донадзе, грузинки из Алазани, прелестное кроткое личико которой совершенно утонуло в копнах темных кудрей.

– Селим, здравствуй, мальчик! Как хорошо, что ты приехал, – говорит тетя Люда, протягивая обе руки навстречу юному офицеру.

У тети Люды доброе нежное лицо, задумчивые глаза украинки с их вечной затаенной грустью, и ранняя седина в густых темных волосах. Ей, тете Люде, около сорока лет, но

душа её чиста и прозрачно-ясна, как душа дитя.

Селим бросается к ней и с жаром целует её бледные руки, так часто поддерживавшие его в раннем отрочестве, отводившие его от всего дурного, что встречалось на его пути.

Он не менее нежели сам «Друг», – как называют все живущие здесь Нину Бек-Израил, главную начальницу питомника, – любит эту добрую, милую пожилую девушку, всю отдавшуюся служению ближним.

– Ага, вот и мы. А вы все копаетесь? У вас еще ничего не готово?

К Глаше приблизились двое юношей. Один высокий, статный в живописном кавказском наряде, в сером бешмете, с газырями и кинжалом, заткнутым за пояс, и в белой папахе, сдвинутой за затылок, красавец собою, с открытым мужественным лицом и честными смелыми глазами. Это двадцатилетний Сандро Довадзе, алазанец и родной брат Гемы, питомец «Джаваховского Гнезда», только что окончивший курс реального училища в Гори и теперь мечтающий о поступлении, по примеру Селима, в качестве вольноопределяющегося в казачий полк.

Другой, совсем еще юный, с несколько болезненным лицом, насмешливыми, полными юмора, глазами и умным открытым лбом вполне сложившегося взрослого человека. Это – Валентин Рамзай, Валь, как его называют здесь сокращенно, брат институтской подруги княжны Нины, Лиды Рамзай. Он учится в том же реальном училище, где учился и

кончил среднее образование Сандро, и мечтает стать инженером, чтобы строить какие-то удивительные мосты через пропасти кавказских стремнин. Сейчас Валентин с минуту смотрит серьезно на Глашу и говорит:

– Мы уже приготовили все к иллюминации, теперь все кончено. Глаша, куда вы изволили сунуть ваш прелестный носик? Если не ошибаюсь, то в варенье. Не так ли?

О, этот насмешник, всевидящий и все замечающий Валь. Конечно, он и сейчас не ошибся.

Глаша готова провалиться сквозь землю, так как её названный брат недалек от истины. Она, действительно, успела только что попасть на кухню и попробовать вкус персикового пирога, пользуясь близорукостью стряпухи Маро.

Кто же мог предположить, что этот негодный Валь выдаст ее. А он между тем продолжает:

– Персиковое варенье еще полбеды, положим, куда ни шло. А вот Аршак мне говорил, что старая торговка Саломе с майдана приходила жаловаться на то, что ты задавила её курицу копытами Ворона. Да?

О, это уже слишком! В этом уже Глаша не признавала себя виновной ничуть. Чем все она виновата, в самом деле, что глупая курица подвернулась как раз в ту самую минуту, когда она, Глаша, летела во весь опор по майдану, чтобы добыть перед закрытием лавок лент на лавровый и розовый венок, который они готовили для так долго ожидаемой дорогой приезжей. Никак не предполагала Глаша, что история с

курицей обнаружится в конце концов. Ведь и так уже ее на славу выбрала злая торговка там, на майдане. Боже, чего только не накричала она там! Она называла ее и бешеной, и верченой, в одержимой, и дели-акыз.³ А за что? За то, что она, Глаша, давно мечтает прослыть такою же смелою и удающею джигиткой, какою была когда-то прелестная княжна Нина Джаваха, покойная тетка их «Друга» – начальницы Нины Бек-Израил, и загадочная подруга тети Люды Влассовской. Ах, как интересно рассказывали они обе о храброй и очаровательной Нине, исключительно-героической натуре, рано угасшей вдали от своей чудной родины. Как неудержимо влекло Глашу подражать покойной княжне, как хотелось хоть отчасти стать на нее похожей. Но чем она виновата, что ей это не удастся никак?

Когда чернокудрая с чарующими, как звезды востока, глазами юная княжна Нина Джаваха-оглы-Джамата носилась на своем Шалом по горным стремнинам и цветущим долинам Грузии, все с восторгом смотрели на нее, восхищались её удалью, красотой... А когда она, Глаша, мчится, подражая княгине Нине по узким улицам Гори, то вместо выражений восторга и восхищения, она слышит только одни крики, угрозы и брань торговков.

Утешает ее только то, что прозвание «Дели-акыз» получала не раз и сама княжна Нина Джаваха – образец, идеал Глаши.

³ Безумная девчонка.

«Курица... Ну да, конечно, жаль курицы, что и говорить, но ведь раз ее раздавили – дело уже непоправимое. Курица не игрушка, она живая. А раз ее нельзя склеить и поправить, то нечего и пилить за нее. Сделанного не вернешь, пора додуматься об этом умному Валю».

Глаша бросает сердитые взгляды в сторону досадившего ей юноши.

– Нет, она очаровательна, эта девица с её невозмутимостью! – хохочет последний. – Пожалуй, я заплачу за погибшую курицу старой торговке, но, милейшая, да будет сие в первый и в последний раз. Впредь прошу не давать воли вашим дурным привычкам... А, Селим, дружище! Здорово! Ну, как поживаешь, кабарда? Замучил вас, небось, всех князь Андро, ваш сотник, весенней стрельбой из винтовок – приветствовал Селима Валентин, выждав мгновенье, когда Сандро, обняв приехавшего названного брата, отошел в сторону.

– Стрельба – хорошее дело. Будет война, стрельба пригодится. Белый царь дорожит метким глазом и сильною рукой, – сверкая белыми как кипень зубами, улыбается молодой хорунжий.

Сандро с завистью взглядывает на него. Счастливец, право, этот Селим. В 18 лет уже надел офицерские погоны. А ему, Сандро, уже двадцать и он еще не у дела. Правда, он сам, Сандро Донадзе, не пожелал расставаться с «Другом», со своею приемной матерью княжной Ниной, и, вместо того,

чтобы поступать в корпус в далекой русской столице, предпочел посещать училище в Гори, чтобы жить в «Гнезде» и помогать каждую минуту Нине Бек-Израил. Зато только осенью он поступит в вольноопределяющиеся и через два года, должно быть, наденет желанные офицерские погоны.

– Едут! Они едут! Уже близко! Ура!..

Как вихрь исчезли в голове Сандро мечты и думы о том, что было, и что будет.

Белокурая, с льняной косичкой и пуговицеобразным носиком, с карими бойкими глазенками Глаша стремительно летит по аллее от главного входа в усадьбу и кричит пронзительно на весь сад:

– Едут! Едут! Уже завернули за поворот аллеи! Теперь скоро уже, скоро!..

Потом Глаша снова поворачивает обратно и, как безумная, несется вдоль чинаровой аллеи, к воротам.

В минуту она успевает скрыться из вида, скрыться так быстро, что никто не может уследить за вей. Эта девочка – огонь. Надо десятки пар глаз, чтобы доглядеть за Глашей.... Да и некогда думать о ней сию минуту. На галерее сейчас происходит отчаянная суeta.

– Мы не успели доплести гирлянды, тетя Люда. Что делать? Какая жалость! – и кроткое личико Гемы полно отчаяния.

– Ах, как могли мы так оплошать, – снова печалится юная грузинка.

Тетя Люда волнуется не меньше её, хотя всячески и старается подавить в себе это волнение.

– Ничего, дети, ничего... Мы бросим ей под ноги оставшийся букет роз или осыплем ее ими.

– Да, да, прекрасная мысль! Хорошо!

– А теперь скорее встречать их! Вперед!

И с живостью молоденькой девушки Людмила Александровна сбегает с крыльца и несется по чинаровой аллее.

Молодежь спешит за нею к воротам, захватив с собою все оставшиеся на галерее розы.

У ворот усадьбы стоит кабриолет, хорошо знакомый молодежи. Старый, как лунь седой казак Михак, давнишний слуга джаваховского дома, прослуживший не одному поколению горийских князей, важный и суровый с виду, сидит на заднем сиденье и управляет гнедым Шахом.

Из кабриолета легко, как птичка, выскакивает девушка лет двадцати, белокурая, стройная, с васильковыми глазами, изящная, как переодетая принцесса.

За нею спокойно сходит её старшая спутница, ездившая встречать ее на горийский вокзал, девушка с энергичным смуглым лицом кавказского типа, с характерными сросшимися бровями, с тесно сжатым ртом, обличающим недюжинную волю, с глазами, властными, решительными, смелыми и чуть печальными в одно и то же время.

Первая из спутниц – одна из питомиц «Джаваховского Гнезда» Даня, иди Надежда Ларина, только что окончившая

петроградскую консерваторию, курс игры на арфе, и теперь, после почти пятилетнего отсутствия, возвращавшаяся домой.

Вторая, на вид не более двадцати трех лет особа, известная не только в Гори, Мцхете и Тифлисе, но и в далеких Дагестанских лезгинских аулах, названная, по имени её приемного отца, Нина Арсеньевна Бек-Израил, княжна Джаваха.

Глава II

- Привет вновь прибывшей!
- Даня, милая, наконец-то ты снова дома!
- Входи с благословением Аллаха!
- Данечка! Даня! Здравствуй!
- Честь имею приветствовать вновь вскормленный нашей родиной великий талант!

О, этот Валь! Он не может без шуток.

Дождь алых, пурпуровых, белых и палевых роз падает на Даню... Под ногами её целый ковер прелестных, дурманящих ароматом, цветов. Вокруг – сияющие, родные, милые лица. О, какие милые, какие родные!

– Гема, Гемочка, тетя Люда, Валь, Сандро, Селим, Маруся, Селтонет и Глаша. Общая любимица Глаша!..

Васильковые глаза Дани влажны, точеное личико, обычно бледное, пылает теперь от волнения и счастья.

Целый год, с прошлых летних каникул, она не видела друзей. Теперь она снова с ними.

И Даня порывисто целует подруг, жмет руки мальчикам – так все еще по старой привычке называют юных питомцев гнезда – и буквально душит в объятиях тетю Люду.

– Селим, голубчик, как хорошо пристал к тебе казачий кафтан! – не может не заметить Даня.

Лицо юного татарина вспыхивает, как зарево. Он смущен-

но опускает глаза.

– Князь Андро особенно доволен его службой, – не без гордости замечает тетя Люда.

– Скоро и наш Сандро наденет казачий бешмет, – звучит характерный кавказский говор княжны Нины, успевшей подметить грустное выражение в лице своего любимца Сандро.

– Да, с твоего позволения, друг... – и черные глаза юноши обдают начальницу питомника безгранично преданным взглядом.

– Однако, господа, соловья баснями не кормят. А мой желудок – лучшие часы; он точнее всех вас знает время обеда. Вашу лапку, великий российский талант. – И с самым галантным видом, свернув руку калачиком, Валь подскакивает к Дане.

– Если разрешишь, сегодня весь день я буду твоим пажом.

– Разрешаю, – с видом владетельной королевы говорит, смеясь, Даня, протягивает руку названному брату и важно выступает вперед.

Глаша бежит сбоку, все время заглядывая ей в глаза. За ними по чинаровой аллее спешат остальные.

Даня смотрит в дальний конец аллеи и не может оторвать глаз. Не так уж много времени прошло с тех пор, как была она здесь, а кажется, что эта чинаровая аллея, как и весь джаваховский сад, стали еще краше, еще тенистее, еще волшебней. Вон как разрослась зеленая виноградная беседка! А эти кусты роз будто стали гораздо шире. Какое дивное благо-

ухажущее пристанище представляют они для голосистых соловьев Гори!

– Мы будем нынче обедать в саду, под чинарами, Павле и Маро уже накрыли там стол, – говорит тетя Люда. – Сегодня, Даня, в честь твоего возвращения заказан твой любимый обед.

Нежное, кроткое лицо тети Люды озаряется своей обычно доброй, заботливой улыбкой, так хорошо знакомой Дане.

Каким очаровательным кажется нынче Дане сочный горячий шашлык! Как удивительно приятны на вкус домашний лоби⁴ и эти чуреки,⁵ хрустящие в зубах, и этот персиковый пирог! А красное легкое карталинское вино – оно само так и льется в горло. Его пьют, как квас. Не пьют только Селтонет с Селимом. Им, как мусульманам, вино запрещено – кораном. Но белая шипучая буза⁶ заменяет молодым татарам вино.

Валь смеется:

– Не налегай на бузу, кабарда, много бузы выпьешь, под стол свалишься, – шутит он по адресу Селима. – А под стол свалишься, буянить начнешь, а буянить начнешь, в полициюведем.

– Довольно, Валь, довольно! – заливается Маруся Хоменко, хохотушка, готовая всегда смеяться до слез.

– В полициюведем... – вторит ей Глаша, тоже радующа-

⁴ Сухая пшеничная каша.

⁵ Хлеб в виде лепешек.

⁶ Кумыс.

яся всякому случаю похотать.

– По адату⁷ Нижней Кабарды нельзя злоупотреблять бузою. Сам пророк проповедует воздержание. И каждый кабардинец должен быть скромен в питье и пище, – серьезно отвечает названному брату Селим.

– Прекрасный ответ, юноша! – слышится позади обедающих чей-то негромкий голос, и из-за ствола старой вековой чинары выступает пожилой сотник с умным загорелым и мужественным лицом, со шрамом во всю правую щеку, от виска до угла рта.

– Князь Андро! Дядя Андро! Добро пожаловать! – кричит молодежь, и с шумом повскакав с своих мест, бросается навстречу сотнику.

Князь Андро Кашидзе – давнишний друг джаваховского дома. С княжною Ниною они закадычные приятели, несмотря на разницу лет. Князь Андро помогал Нине и тете Люде воспитывать детей питомника, обучая их и научным предметам и стрельбе, и джигитовке. Тут все они – его ученики и воспитанники. Сандро, Валь, Селим, даже девочки прошли его школу верховой езды и стрельбы в цель из ружья и револьвера.

По мнению княжны Нины, на Кавказе женщины, как и мужчины, должны быть готовы ко всяким случайностям и встречам в горах, должны уметь владеть оружием, чтобы в случае необходимости постоять за себя.

⁷ Обычай.

Князя Андро задержали по службе в полку, и он успел прискакать на своем лихом карабахе только к концу обеда.

– Даня, разреши поздравить тебя, – говорит лихой сотник, наполнив свою кружку до краев алым карталинским вином, и поднимается из-за стола.

Золотые лучи майского солнца играют красивыми бликами на его седеющих волосах и огненными точками загораются в его печальных глазах, глазах прирожденного грузина. Когда он поднимает свой бокал в честь Дани, все стихает и ждет его первых слов.

– Я счастлив за тебя, деточка, – звучит гортанный голос князя, – счастлив, как и все присутствующие здесь за столом, видеть тебя довольной, удовлетворенной. Долгий и трудный курс ученья пройден. Консерватория кончена, все трудности игры на арфе преодолены тобою, ты теперь свободная художница и можешь вступить на поприще артистической деятельности. Теперь ни княжна Нина, ни тетя Люда – твои лучшие верные друзья – не станут препятствовать твоей славе, твоим успехам. Бесстрашно и смело пускай в путь свою ладью, дитя мое, и да поможет тебе Бог достичь желанной цели. Бог в помощь, Даня, и да охранит тебя святая Нина на избранном тобою пути! Да поддержит она твою веру в себя, в свои силы, в свой талант!

– Уррра! – вдруг разражается Валь, осушив залпом свой стакан и вдребезги разбивает его о ствол каштана к немалому ужасу Маруси, взявшей на себя обязанности хозяйки

обеда.

– Тетя Люда, уймите его, он так у нас всю посуду перебьет...

Тра-а-ах! – разбивается следом за первым второй стакан.

– Глафира! – раздается строгий, почти суровый голос «друга» по адресу Глаши. – Ты совсем не умеешь себя вести.

– Но Валь же... – пробует оправдаться Глаша, только что разбившая по примеру названного брата второй стакан.

– Валь – юноша, он значительно старше тебя и...

Неожиданно княжна Нина прерывает свою речь на полуслове. Прямо к обеденному столу ковыляет какая-то очень смешная фигура, появившаяся в саду. Толстый, с огромным животом человек, в дорогой, нарядной, но засаленной и поношенной черкеске-папахе, едва держащейся на бритой, лоснящейся от пота голове, тяжело переступая с ноги на ногу, приближается по широкой аллее.

– Мир вам и благословение Аллаха! – произносит он ломанным русским языком.

– Будь благословен твой приход в наш дом, – отвечает, привстав со своего места, хозяйка. – Ты поторопился, однако, придти за ответом, Абдул-Махмет.

Маленькие пронырливые глазки гостя быстро обежали стол со всеми стоявшими на нем яствами и заискрились и замаслились при виде кувшина с бужой.

– Садись, кунак, гостем будешь, – предложила княжна Нина.

Татарин оглядел теми же бегающими глазками сидящее здесь общество и, приложив руку к сердцу, губам и лбу, отдал «селям».

– Ты бы прошла с гостем в кунацкую, Нина, а Маро и Павле отнесут вам туда бузу, шашлык и шербеты, – предложила Людмила Александровна подруге.

– Ты права, Люда, мы пойдем туда, – и хозяйка дома, сделав знак Абдул-Махмету следовать за нею, первая прошла в дом.

– Ну и штучка! – вырвалось у Валя, когда тучная Фигура гостя скрылась за колоннами нижней галереи дома. – Ты не очень-то гордишься, по-видимому, твоим одноплеменником, Селим?

– Абдул Махмет – мне не единоплеменник, а чужой, – вспыхнув, произнес татарин. – У Аллаха столько племен, сколько звезд над горами... Абдул-Махмет не кабардинец, он – дидоец, выходец из Аварских ущелий, и живет здесь давно среди армян, русских и грузин... Он не кунак Селиму... Я не стану брататься с дидойцами, ты же знаешь.

– А и паялил же этот дидоец свои глазки на Селтонет! – неожиданно рассмеялся Валь.

Селим потупился. Селтонет вспыхнула.

– Ты говоришь вздор, Валентин, – вступился Сандро, которому стало жаль сконфузившуюся девушку. – Лучше, чем болтать ерунду, давайте постреляем в цель в честь приезда Дани.

– Идет! Идет! Согласны!

И молодежь вместе с князем Андро шумно повскакала из-за стола.

Через несколько минут треск винтовок, веселый говор и смех, доносившиеся из дальнего угла сада, возвестили о любимом занятии джаваховской молодежи.

У стола остались хлопотать старый Павле, Маруся и Маро. Между ними вертелась подвижная и юркая фигурка Глаши. Вот она улучила свободный момент, когда тетя Люда и Маруся, убрав вино, десерт и шербеты, ушли в дом, и прошмыгнула туда же следом за ними. Черные, бойкие глазки Глаши горели сейчас самым неподдельным, самым живым любопытством; лукавая улыбка не сходила с губ.

Она, Глаша, должна узнать во что бы то ни стало, зачем является сюда этот безобразный, толстый, с огромным животом, человек, пальцы которого сплошь унизаны алмазами и голубой персидской бирюзою. Он по целым часам просиживает в кунацкой у тети Нины. И нынче тоже... Что за таинственность такая, в самом деле! И не время ли ей, Глаше, узнать про эту тайну, так тревожащую её любопытство?

Бесшумно и быстро скользя, прокрадывается маленькая фигурка между стволами стройных каштанов и густо разросшихся чинар. Вот она уже у парапета нижней галерейки, вот почти у порога кунацкой, и стоит только приподнять ковер, заменяющий дверь...

«Стыдись, Глафира! Княжна Нина Джаваха, твоя люби-

мица, которой ты стараешься во всем подражать, не стала бы подслушивать у порога», – звучит смутно и тревожно голос совести в детской душе.

Но Глаша глуха нынче ко всему. Любопытство сильнее совести. Оно заставляет девочку тихо, на цыпочках, прокрасться к самому входу и притаиться между мягкими складками шелковистого ковра.

В дырочку, в крошечное отверстие Глаше хорошо видны сидящий на низкой тахте с поджатыми ногами Абдул-Махмет и быстро, очевидно, в волнении шагающая из угла в угол стройная, высокая фигура Нины.

К счастью, они говорят по-русски и настолько громко, что Глаша может расслышать каждое слово.

– Да просветит Аллах твои мысли, княжна, – сладким медовым голосом, словно бисер, нанизывает слово к слову Абдул-Махмет. – Не порти судьбы девушки... Наши женщины на востоке старятся рано. Пройдет еще год, за ним еще и еще, и на красавицу Селтонет последний горный байгуш-пастух не взглянет. Потухнуть звезды-очи, выпадут волосы и зубы-жемчуг и...

– Молчи, не каркай, как старый ворон, Абдул! Я тебя, лисицу, хорошо знаю... А Селтонет я все-таки не отдам твоему князю. Не для того я воспитывала и просвещала мою девочку, чтобы отдать ее куда-то далеко, в неведомый аул, какому-то незнакомому лезгинскому князьку... Да пусть он будет богат, как сам султан турецкий, пусть целые табуны коней

и миллион баранов пасутся на его пастбищах, как ты утверждаешь, – не видать ему женою Селтонет, как своих ушей. Понял?

Последнее слово Нины прозвучало так сурово и резко, что Абдул-Махмет невольно приподнялся со своего места и уставился в нее глазками не то смущенно, не то сердито.

– Твое последнее слово, княжна? – протянул он елеиным голосом.

– Разве ты не помнишь, кунак, – снова сурово заговорила Нина, – что ни единое слово не было брошено мною на ветер. Что оказано – то исполнено. Слышишь? И никогда Селтонет, моя воспитанница, не будет женою твоего горного князька.

– Прощай в таком случае, княжна. Буду молить пророка, чтобы Аллах осенил твою голову лучшими мыслями. Гордые люди – что дикие персики: нет от них пользы окружающим; красуются на деревьях, а толку в них мало, – добавил Абдул-Махмет, поглаживая бороду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.